

Джаммария

ЭТА НЕИЗВЕСТНАЯ
АЛХИМИЯ

Джаммария

Эта неизвестная Алхимия

«Терра Фолиата»

УДК 7.01
ББК 87.8

Джаммария

Эта неизвестная Алхимия / Джаммария — «Терра Фолиата»,

ISBN 987-5-87456-838-2

Генуэзец Джаммария Гонелла – наследник знаменитой неаполитанской магико-алхимической традиции, чьи корни уходят вглубь веков. С ранних лет Джаммария, чье имя стало носителем его судьбы и литературным псевдонимом, посвятил себя изысканиям в области герметических наук. Встреча с бароном Риччьярдо Риччярделли (товарищем и последователем легендарного Джулиано Креммерца) позволила обрести ему бесценные ключи к алхимическому знанию и основать таинственный Корпус Равных, объединение ревнителей и исследователей Царского Искусства. Перу Джаммарии принадлежит ряд книг; одна из них, кою вы сейчас держите в руках, является превосходным введением в теорию и практику алхимического Магистерия и была удостоена награды министерства культуры Италии. Читатель узнает из неё об особенностях шествия по Пути Знания и Могущества, о смерти и бессмертии, о роли учителя в Священной Науке, о магии и алхимии, о герметических загадках и пророческих сновидениях, встретится с божествами, нуменами и героями, сумеет заглянуть за кулисы алхимических лабораторий и храмов тайных обществ. Труд Джаммарии станет настоящим путеводителем для того, кто осмелится отправиться в полное приключений странствие по загадочной и неизведанной стране Алхимии. Книга переведена на русский язык другом автора, известным исследователем герметики Глебом Бутузовым.

УДК 7.01
ББК 87.8

ISBN 987-5-87456-838-2

© Джаммария
© Терра Фолиата

Содержание

Лук и верёвка	8
Введение	18
I. Герметизм	21
II. Алхимия	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Джаммария Эта неизвестная Алхимия

- © Giammaria. Alchimia Questa Sconosciuta. Bergamo, 1996.
- © Building Financial Consultants di Pier Riccardo Torri & C. sas., 1996
- © Глеб Бутузов, перевод с итальянского, 2011
- © TERRA FOLIATA, издание на русском языке, 2011

* * *

Дхаммария
**ЭТА НЕИЗВЕСТНАЯ
А Л Х И М И Я**

МОСКВА
ВОРОНЕЖ
2011

Лук и верёвка

Предисловие переводчика

В Доломитовых Альпах, включённых ЮНЕСКО в список природных чудес света, есть известный скальный маршрут Гонелла. Однако вряд ли кто-то из альпинистов, покоряющих Альпы в этом месте сегодня, знает, что проложил его много лет назад лигурийский алхимик, доктор юридических наук Джаммария Гонелла.

Джаммария, чьё настоящее имя стало также его литературным псевдонимом, родился 28 января 1925 года в Генуе, лигурийском портовом городе, который он всегда считал своим домом и в который всегда возвращался из путешествий. Будучи юристом по образованию и профессии, обеспечивавшей ему средства к существованию, урождённый патриций Триеста Гонелла за свою долгую и полную приключений жизнь успел достичь мастерства в стрельбе из лука, альпинизме, игре в теннис, пении, бальных танцах, абстрактной живописи и восточных единоборствах. В 1943 году, когда ему исполнилось восемнадцать, Джаммария принял решение идти добровольцем на фронт; благодаря силе, высокому росту и благородной внешности он был принят в *берсальеры*, или бывшую Королевскую Гвардию, – элитные войска, в составе которых он принимал участие в военных действиях на севере Италии; ещё совсем недавно, будучи пенсионером с почти двадцатилетним стажем, он занимался скайдайвингом и продолжал покорять сложные скальные маршруты. Простой перечень достижений в различных областях человеческой деятельности, которыми был отмечен его путь в промежутке, составляет несколько убористых страниц; однако, эти страницы – благодатное поле для *биографа*, а всякая биография, согласно убеждениям Джаммарии, всего лишь достояние деревянной куклы, *буратино*, каковая сделана из мяса, костей и общественных масок. Наше подлинное Я, сокрытое в тайнике пещеры человеческого сердца, божественно и бессмертно, – это *нумен*, облачённый в лохмотья анаграфического; его «нам» предстоит открыть в себе – либо же навсегда раствориться в небытии вместе с брэнной оболочкой сломанного буратино.

Образ алхимика Джаммарии, путника без фамилии и биографии, начал проступать из дымки в послевоенные годы, когда студент Гонелла, изучавший в столице классическое право, а также латынь, иврит и арабский, познакомился с бароном Ричьярдо Ричьярделли, известным среди членов пифагорейских школ и «кружков Вергилия» как Марко Даффи (итальянизированная форма имени даймона *Murkuhekhdaph*, которого воплощал барон). В течение многих лет Джаммария и Марко Даффи регулярно встречались в Риме; друг и последователь Джулиано Креммерца, барон Ричьярделли был самостоятельным герметическим философом и магом, которого основатель и глава Братства Мириам называл «мастером» (этого звания он удостоил за свою жизнь только ещё одного человека, своего формального преемника Джованни Бонабитаколу). Рок, преследовавший Братство с момента его основания, в конечном итоге не позволил ни одному из его воспитанников, начавших путь с ученичества, достигнуть вершины мастерства; и Ричьярделли, и Бонабитакола, как признал Креммерц в частном письме к Марко Даффи, были мастерами в своём собственном праве, вне формальных рамок Братства и не благодаря ему.

Берсальер Джаммария Гонелла на фронте

Вскоре после окончания Второй Мировой войны Марко Даффи организовал свою собственную группу в Риме. Сначала она называлась «Цепь Андромеды» или «Орден Амзур», а в 1962 году стала именоваться «Кольцо Плеяд» (эти символические места были обителью *Mörköhekdaþr*: первое – его герметической Землёй, второе – Небом). Джаммария, будучи самостоятельным герметиком, много лет выступал в роли редактора и комментатора Марко Даффи; именно благодаря ему работы этого в высшей степени оригинального итальянского мастера стали доступны нам. Сам Марко Даффи никогда не относился к молодому адвокату как к ученику и всегда разговаривал с ним на равных; Джаммария в силу не только независимости своего мировоззрения и понимания герметизма, но и благодаря природным данным, характеру и энергетике в принципе не мог быть последователем, «рядовым членом группы», «делать карьеру» в области эзотерического (как, например, Бонабитакола), занимать место в иерархии, получать звания, иметь «начальство» и «подчинённых»; в этом смысле его как личность можно поставить рядом с бароном Юлиусом Эволой, который тоже никогда не мог (и не хотел) «вписаться» в какую бы то ни было организацию и всю жизнь выступал в роли, так сказать, «интеллектуального маяка» для многих эзотерических групп и «кружков», каковые с его помощью и при его посредничестве формулировали свои доктрины и представляли их публике, но не были способны «вобрать» Эволю в себя, сделать его своей частью: напротив, это *он* сделал их

частью собственного пути, этапом Делания. При этом, как и Эвола, Джаммария никогда не был одиночкой, отгородившимся от людей аскетом или общественной маской, за которой он осуществлял бы внутренний путь, совершаемый в гордом безмолвии. Более того, Джаммария воплотил в жизнь новую неформальную модель герметического сообщества, отличную от «Ур» и «Крур», хотя и следовавшую тем же ориентирам. Группа, организованная им в 1965 году, называлась *Il Corpo dei Pari* (*Корпус Равных*) и была построена на принципах, которые позволяли наиболее адекватно реализовать герметическую парадигму в условиях второй половины двадцатого века, и, – как мне кажется, – вполне актуальны и сейчас.

Как отмечали многие авторы (в частности, Рене Генон), любая конкретная традиционная форма отражает особенности той точки цикла манифестации, где она зарождается, и каждое такое новое рождение является необходимой и обусловленной космическими факторами мутацией Традиции, адаптирующейся к иным историческим условиям. Традиция как трансцендентный принцип вечна, но формы традиционных учений темпоральны. «Всякий раз, когда *дхарма* приходит в упадок, я заново воплощаюсь», – говорит Кришна в четвёртой главе *Бхагавад-Гиты*; «никто не вливает вина молодого в мехи ветхие: иначе молодое вино прорвёт мехи, и вино вытечет, и мехи пропадут; но вино молодое надобно вливать в мехи новые», – говорит ученикам Иисус¹. В результате исторических катаклизмов XX века, приведших к разрушению общественного устройства, опирающегося на принципы традиционной иерархии, и к провалу попыток возрождения такого общества, традиционные иерархические принципы – в приложении как к национальному государству и расе, так и к личности, – не только оказались «скомпрометированы в глазах общественности», но на гораздо более глубоком уровне, который ощущают лишь те, кто живёт и мыслит в традиционной парадигме, утратили силу *дхармы* и превратились в скорлупу, каковую теперь с лёгкостью наполняют чем угодно, но коя более не содержит в себе магической силы, поскольку Дух покинул её.

Современные маги, руководители и организаторы эзотерических групп, во многих случаях объявляющие себя духовными наследниками великих магов прошлого и претендующие на «прямую линию передачи», даже когда это соответствует действительности, продолжают строить взаимоотношения в группах на основе того же подгнившего каркаса орденов былых времён, они пытаются влить своё вино в старые мехи духовной иерархии, не принимая во внимание тот факт, что будущее таких организаций, как в зеркале, отражается в судьбе масонства, и что такое же блёклое существование будет их уделом, если вино это выдохлось; если же оно молодо и сильно, то прорвёт мехи и вытечет наружу, чему лучшим примером служит история *Братства Мириам*.

¹ Мк. 2:22

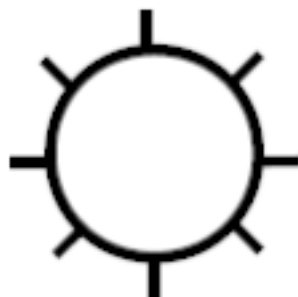
Марко Даффи и Джаммария

20-го января 1967 года в генуэзской газете *Il Lavoro* появилась статья под названием «Посмотрим, понял ли кто-нибудь стихотворение-манифест». Дело в том, что за несколько дней до этого на улицах Генуи и итальянской Ривьеры стали появляться листовки, расклеенные на заборах, столбах и стенах домов. Листовки были озаглавлены «Стихотворение» и содержали следующий текст, напечатанный на ярко-красном фоне:

**СЕМЬ вместо ДВЕНАДЦАТИ
ЕДИНИЦА означала ЧЕТЫРЕ
Побеждённые, рассеянные, сбежавшие,
им
не известен
Путь Посвящённых!**

*Эти же –
завоёванный Сан –
не Мистики более,
но Адепты,
посвящённые в Магистерий,
они сбрасывают Маску,
и
Ясные лица,
Увлажнённые Солнцем,
Отражаются в Великом Зеркале!*

*День придёт,
когда они узнают
единый лик,
отражённый
во многих Зеркалах!*

Репортёр сообщал, что никому не известны ни мотивы распространения этих листовок, ни скрытый в них смысл. «Общее число отпечатанных копий не превышает сотни, однако, как подтверждают карабинеры и городская полиция, начатое в Лигурии расследование демонстрирует, что эта акция вызвала булший общественный интерес, чем можно было бы ожидать и от тысячи листовок», – говорилось в статье. Расследование закончилось ничем; в типографии, где было отпечатано «Стихотворение», дали словесное описание пожилого господина, принёсшего текст и деньги, однако его разыскать так и не удалось (адрес на визитке оказался фальшивым). Это событие, правда о котором была раскрыта день в день 20 лет спустя, ознаменовало начало деятельности группы Джаммарии, впоследствии задокументированной в сборнике *О деяниях Корпуса Равных*², а также в книге одного из участников под знаменательным названием *Истина в вине*³. Не будет слишком большой натяжкой увидеть здесь определённую параллель с событиями 1607-1616 гг. в Германии и публикацией двух манифестов *Fama Fraternitatis* и *Confessio Fraternitatis*, положивших начало розенкрейцеровской эпопее в истории европейской мысли. Герметические идеи должны быть представлены герметическим образом: в самом акте публичной демонстрации герметично закупоренного объекта, *философского яйца*, непроницаемого для профанного взгляда, – будь то картина, стихотворение или кинофильм – заложена возможность *проникновения* в область герметического, возможность преодоления зрителем мурака обыденности и порождения нового крылатого «я» при соблюдении правильного температурного режима.

² *Dagli Atti del Corpo dei Pari.* – Amenotthes, Genova, 2006.

³ *In Vino Veritas.* – Circolo Culturale Il Convivio, Bologna, 1993.

Группу искателей, которых Джаммария объединил под именем *Корпус Равных*, нельзя назвать «эзотерической организацией» в общепринятом смысле. Само слово «равные» вполне ясно даёт понять, что участники группы не образуют никакой привычной иерархии, жёстко регламентированной организационной структуры, в ней нет «градусов» и «степеней», «мастеров» и «подмастерьей». Однако такое состояние дел ни в коем случае не должно считать «хаосом» или «сборищем» – совсем напротив. «Каждый Равный – актёр, и все остальные по отношению к нему – статисты. Из этого следует, что внутри Корпуса каждый Равный является исполнителем драмы, трагедии или комедии, а иногда и фарса»⁴. Стоит также помнить, что «Корпус – это резонатор для Голоса»⁵, – той песни Единого, которая становится слышнее, резонируя в *теле* из гармонично соединённых душ. И, если продолжить музыкальную аналогию, наиболее точно *Корпус Равных* можно охарактеризовать как *консорт*; в период Ренессанса так называли небольшой инструментальный ансамбль, в котором, «в отличие от большого оркестра, гармоничность исполнения определялась не работой дирижёра, но максимальной сосредоточенностью и сердечностью (в смысле способности улавливать значимость внутренних мотивов другого) составляющих его индивидуумов»⁶.

⁴ *Dagli Atti del Corpo dei Pari*, I, p. 11.

⁵ *Ibid.*

⁶ *Ibid.*, p. 12.

Дхаммария за занятиями альпинизмом

У Дхаммарии нет «учеников» или «последователей» в том смысле, как это понимается участниками масонских или подобных иерархических организаций, хотя в какой-то степени его можно назвать главой «школы», если под таковой разуместь стремление освободить искусство Алхимии от всех посторонних культурных, доктринальных и прикладных коннотаций и вывести его из сферы формальной активности «эзотерических групп» в область индивидуального, внутреннего необусловленного итинерария, следование которому занимает всё время жизни, имеющееся в распоряжении оператора, включая сон. Всякий, кто готов понять и при-

нять такое видение Царского Искусства, кто готов ступить на Путь под знаком неизвестности в полном одиночестве, взяв на себя всю ответственность за успех или неуспех предприятия, может именовать себя последователем Джаммарии.

Джаммария в 90-е годы прошлого века

Как говорит сам автор в предисловии к предлагаемой вашему вниманию книге, он не смог найти ни одной справочной или обзорной работы, игравшей бы роль формального «введения» в Алхимию, которая эксплицитно очерчивала бы основные доктринальные контуры этого пути, его фактическую историю и сущностные отличия от других сходных путей спасения и освобождения. По этой причине он взялся за написание такой книги сам, в итоге решив

сию задачу с успехом (*Эта неизвестная Алхимия* была удостоена специальной премии министерства культуры Италии и выдержала два издания), притом в соответствии с *Zeitgeist* и теми требованиями, которые время предъявляет к языку и культурным коннотациям подобной пропедевтики. *Введение* в эзотерическую дисциплину – как и во всякую другую – не может быть написано в терминах самой дисциплины, поскольку её имажинариум (в данном случае алхимический) понятен только алхимикам, то есть тем, кто уже пребывает *внутри* сферы герметической мысли; введение же предназначено для тех, кто находится снаружи, – стоит – у входа в неё или же не может таковой найти. В качестве терминологического и образного инструментария Джаммария использует язык современной физики, психологии, нейрофизиологии и других наук; говоря об истории герметизма, он не выходит за пределы набора документально подтверждённых фактов, таким образом избавляя себя от необходимости аргументации в той области, которая приватизирована современной наукой, и каковая аргументация уводила бы в сторону от главной линии произведения; при этом текст содержит два десятка диаграмм, использующих планетарные символы и геометрические репрезентации герметических идей, а также краткий алхимический тезаурус.

Важную часть данной работы составляет негативное описание Алхимии, то есть разбор её «разновидностей», которые по сути ею не являются. Ни индийская, ни китайская «алхимия» не могут быть названы восточными эквивалентами греко-египетской Алхимии (или, тем более, её предшественниками), это различные пути как в доктринальном, так и в практическом отношении, к которым сам термин «алхимия» применим лишь на основании сложившейся привычки. В силу исторических и культурных обстоятельств этот европейский (и быть может, единственный аутентичный европейский) путь Освобождения претерпел значительные искажения и контаминацию со стороны сходных (в отношении цели, а зачастую лишь символического языка) доктрин; ложная интерпретация данного учения стала общим местом и чуть ли не «хорошим тоном» как для современных представителей науки, так и для разного рода «духовных школ». Работа Джаммарии в значительной мере возвращает Алхимии её изначальный смысл в глазах современного европейского читателя, каковой она никогда не теряла для тех, кем написаны подлинные герметические трактаты и кому они в реальности предназначены. На мой взгляд, есть нечто символическое и весьма важное в том, что первым иностранным языком, на который переведено это произведение, стал русский, – язык народа, сохранившего в своей душе то изначальное *золото*, без коего невозможно достичь успеха в великом искусстве Алхимии, какими бы хитроумными практиками ни пользовались его восточные апологеты.

В заключение своего краткого предисловия переводчика я хочу привести слова самого Джаммарии, обращённые к русской публике: «Приглашаю тебя, русский читатель, к знакомству с алхимическим Герметизмом, – Путём, который среди других путей наиболее созвучен твоей природе. В отличие от японцев, ты не создан для дзен, не для тебя истинная йога, соответствующая восточному уму и восточному жизненному пространству, не для тебя суфизм, прерогатива исламского мира, тебе ни к чему иудейская каббала, чуждая европейскому духу. Алхимический Герметизм может помочь тебе, русский читатель, выйти за пределы мистицизма, характерного для твоей славянской души, коя остаётся европейской, и осознать, что, обладая этим *золотом*, ты способен сделать Золото, если говорить языком Алхимии, языком Золотого Искусства...

Читая и перечитывая тексты алхимического Герметизма, ты сможешь научиться, говоря «я», не отождествлять себя со своей анаграфической персоной. Постепенно, через книги⁷, в тебе начнёт прорасти осознание себя как Нумена, как внутреннего божества. И когда наступит твоя физическая смерть, окончание биографии, в тебе просто умрёт та марионетка, которой ты был в миру, – каковой являюсь и я, и все мы здесь...»

⁷ Джаммария говорит не о профанном чтении, а о *legere* как составной части алхимического Делания.

Глеб Бутузов

Введение

*В память о предсказании Мишель Марфен,⁸ согласно которому
утешением для меня станет возвращение в землю*

Решение всецело посвятить себя алхимическому поиску созрело у меня постепенно в 1945-1950 годах. В этот период мои познания в области Алхимии были зачаточными и туманными; в то же время я оказался абсолютно не подготовлен к встрече с метафорическими и символическими канонами оперативной работы, смысл жаргона каковой от меня ускользал.

Именно в таких затруднительных обстоятельствах в 1949 году мне представился случай встретиться с человеком, известным в герметических кругах как Марко Даффи, а также выдалась редкая удача видеться с ним регулярно в течение десяти лет и, позднее, в той или иной степени поддерживать отношения.

Это была удача в буквальном смысле слова, поскольку я получил возможность посредством прилежания и настойчивости в данной области, в ходе глубоких размышлений и плодотворных медитаций, через некоторое время освоиться и почувствовать себя комфортно в сфере алхимической литературы, получив необходимые ключи, чему содействовали личные отношения. Кроме того, это позволило мне разобраться в алхимическом наследии в плане его аутентичности, а также подлинности авторов; будучи поначалу совершенным невеждой в вопросе лексики, к моему удовлетворению, мне удалось в конечном итоге составить словарь,⁹ предварительно, в ходе многих лет труда, подготовив компендиум всего учения,¹⁰ имеющий ценность в качестве пропедевтики пути, а также, вдобавок к ним, текст, который можно расценивать как систему, относящуюся к технике специфического «внимания» в области материи.¹¹

Следует, однако, отметить, что всё больший интерес проявляется к тем исследованиям Алхимии, кои касаются её экзегетики, а также исторического и анекдотического аспектов, начиная от истоков и вплоть до сегодняшнего дня, и каковые исследования можно было бы использовать в качестве справочного пособия, пусть и самого общего характера.

Таким образом, поскольку мне не удалось найти ничего достойного в этой категории текстов, я взялся за написание собственной книги. Результатом явилась работа, которая в какой-то степени приподнимает завесу над эзотерической частью Алхимии, или, иначе говоря, пронизывает её профанный аспект, позволяя смутно различить в глубине то сакрально-эзотерическое (в буквальном смысле), кое «соседствует с божественным».

Я говорю об эзотерическом в том доктринальном смысле, что лежит за пределами слов (ср. у Лукиана Самосатского, II в. н. э., а также Климента Александрийского и Оригена, III в.); фактически, подлинный смысл алхимических высказываний, будь то устные, либо письменные, остаётся скрытым (оккультным),¹² или же «мистическим» (см. Болос Мендесский, III–II вв. до н. э.), то есть таинственным.¹³ Стоит заметить, что «оккультное» в Алхимии не имеет ничего общего с «оккультистским» образца XIX в. (см. Леви и Папюс).

Из данной книги с очевидностью следует, что Алхимия, рождённая на Западе в результате столкновения эллинистического и египетского мышления, как путь представляет собой качественный скачок от исторического к метаисторическому, от анаграфического к архетипи-

⁸ Подруга жены автора Аури Камполонги, астролог. – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания переводчика.

⁹ Giammaria, *Dizionario Ermeticoalchimico*, Editrice Kemi, Milano, 1996.

¹⁰ Giammaria, *Compendio di Ermetica*, Editrice Kemi, Milano, 1980.

¹¹ Giammaria, *Il Libro di AK Z UR*.

¹² От лат. *occultus*.

¹³ От гр. *μυφύοισιν*.

ческому, оставаясь при этом чуждой тому стремлению, – если не сказать одержимости, – к продлению срока земного существования, которое характерно для раннего периода распространения сего учения на Востоке.

Возможно, поиски «долгой жизни», присущие религиям Дальнего и Ближнего Востока, объясняются теми взглядами, следы которых можно найти в наиболее древних текстах, и согласно каковым смерть нельзя отодвигать до бесконечности: рано или поздно она всё равно настигнет, и её воздействие будет радикальным. Идея бессмертия как преодоления смерти в культуре семитских народов, жителей Месопотамии, Индии и Китая является поздней, причём:

а) в библейский период формирования Израиля и его веры ни у кого не вызывал сомнения тот факт, что смерть есть окончательный итог, который оставляет человеку лишь возможность сохраниться в памяти;

б) в Новом Завете бессмертие представлено как прерогатива Бога (см. 1 Тим. 6:16), поскольку по причине греховности смерть естественным образом сопутствует человеку, его «телу и душе», за исключением случая, когда он обладает «верой в Иисуса Христа»;

в) в Месопотамии нельзя найти ни малейших следов верований, будто нечто может уцелеть после смерти (по этой же причине там не проводилось и бальзамирование);

г) в первых Ведах слово *ameta* не относилось к бессмертию, но означало отодвигание смерти, и обретение бессмертия (*ametat-va*) признавалось возможным и способным оправдать надежды... лишь «в детях»! Только в *Бхагавад-Гите* и Упанишадах появляется идея посмертного воздаяния;

д) в добуддистском Китае люди молились о ниспослании долгой жизни (*шю*), и возможность бессмертия не была им известна как минимум до V–IV вв. до н. э.

Концепция бессмертия человеческого существа, ещё ранее, чем в древнегреческой мысли (см. Платон), присутствовала в культуре Египта; правда, изначально как привилегия фараонов (см. Тексты Пирамид V и VI династий – 2500 лет до н. э.), и лишь затем, среди эпигонов Великой Империи, *pro omnibus*.¹⁴

В египетском понимании, точно так же, как человек при рождении переходит границу иного мира, так и после смерти он становится «новорождённым», имея возможность за её порогом управлять своим становлением (ср. «температурный барьер», за которым не действует физика), каковое представляется как путь к состоянию, для коего «открыты все возможности» (ср. физический вакуум).

В русле этих рассуждений есть все основания считать Алхимию (как и Магию, впрочем) духовной наследницей *Книги Мёртвых*, текста, чьи наиболее древние фрагменты, относящиеся примерно к XX в. до н. э. (XI династия), никогда не были зафиксированы письменно, что имело место лишь в VII–VI вв. до н. э.

Алхимия и Магия суть две оперативные формы одного и того же *Weltanschauung*,¹⁵ наличие согласия между которыми отмечал ещё алхимик Зосима в 300 г., поскольку обе предоставляют человеку возможность избежать фатума: одна (Магия) при помощи силы,¹⁶ другая (Алхимия) – путём познания.

Наконец, возвращаясь к нашей книге, следует сказать, что она являет собой текст, имеющий шанс стать источником правдивой информации об алхимическом процессе, который не даст читателю заблудиться, поддавшись академическим спекуляциям о «единстве природы» последнего. Иначе говоря, человеческое существо представляет собой поле, где герметический

¹⁴ Для всех (лат.).

¹⁵ Мировоззрение (нем.).

¹⁶ Итальянское слово *potere* означает также власть и могущество; в то же время русское слово «сила» в данном контексте должно восприниматься свободным от физических коннотаций (каковым соответствует *forza*).

Меркурий отражается, живёт, грезит и думает с целью познать себя... хватаясь за собственный хвост (вспомним Уробороса). Алхимия родилась и существует как инициатический Путь, чисто духовный (в современном смысле слова как антитезы современного же понимания материального) и чуждый любых химико-металлургических импликаций – кроме символических, – хотя и сохраняющий при этом определённую гибкость жестикуляции.¹⁷

Пытливый читатель, равно как и сторонник Алхимии, и, в значительной степени, тот, кто чувствует призвание к оперативной деятельности, чтобы избежать риска, следуя обманчивыми тропами, должен иметь в виду, что субстанции Делания, то есть лабораторные материалы и инструменты, совершенно точно соответствуют инструментарию и материалам ритуальной магии, каковые суть круг, жезл, кинжал, чаша, алтарь, храм и т. д. При этом, также как и в случае Магии, они не являются необходимыми и выполняют вспомогательную функцию.

Заниматься алхимией, чтобы сделать золото, всё равно, что заниматься Магией с целью чем-то «овладеть»... Это не имеет отношение к инициации.

Джаммария

Если ты спросишь меня, в чём состоит Великое Делание, лучшим ответом будет, если я скажу, что оно заключается в деидентификации от анаграфического, в отождествлении Единого со Всем и Всего с Единым, или, если хочешь, в аннулировании биографического путём осознания универсального архетипического в человеке...

Но, быть может, ещё труднее познать себя.

¹⁷ «Жестом» многие герметические авторы называют внешнюю активность, используемую в ходе внутренней реализации.

I. Герметизм

*Зеркало – инструмент познания, поскольку, смотрясь в него,
можно увидеть себя;
однако оно также инструмент иллюзий, ибо, пользуясь им, видишь
отражение.*

Герметизм, или Герметическая Философия, по существу является внутренней доктринальной областью культуры, которая вдохновляет и ин-формирует, с одной стороны, Алхимию, а с другой – Магизм (то есть ренессансную Магию и её версию XIX столетия, нашедшую также продолжение в веке XX-м).

Алхимия и Магизм, таким образом, суть два аспекта теоретического и философского Герметизма, каковой они представляют как две оперативные разновидности, две стороны одной медали; этим сторонам соответствуют фигуры и схемы «человека знания» и «человека силы», – хотя, в конечном итоге знание и сила сливаются воедино. Фактически, речь идёт о том, что Принцип (всех принципов), который есть Единая Вещь, *Res Simplex*,¹⁸ *Unicum*,¹⁹ если пользоваться алхимическими выражениями для той Единой Вещи, из которой происходят все вещи, включая Человека, может быть представлен иначе, если прибегнуть к языку, принятому в современной научной среде; этот Принцип может быть представлен как Единое Поле или как все взаимосвязи за пределами времени и пространства, которые изначально определяют пространство и время и которые порождают всякую структуру и всякую функцию, и за чьим порогом утрачивает реальность любая дихотомия (материя – энергия, корпускула – волна и т. д.).

Само по себе это Пустота (Алхимический Вакуум), обладающая возможностью всей полноты, причём Вселенная является её манифестацией, определяемой взаимными влияниями связей между субполями, понимаемыми как пертурбации данного единого всеобъемлющего поля манифестаций или, если угодно, как линии напряжённости в пространстве-времени.

Такая Пустота или Единое Поле, к которому, как к Принципу, сводятся все взаимодействия и законы Вселенной (включая Человека), и которая служит опорой для Вселенной, поскольку последняя состоит из этой пустоты, сама по себе очевидным образом является неопределимой и, соответственно, неопишуемой, то есть, – выражаясь исключительно в апофатических терминах или негативно, – она безлична и бессознательна, но выступает в качестве творца всякого индивидуального сознания. С другой стороны, вполне можно принять, что Принцип находит наиболее совершенный способ выражения в человеческом существе, говоря языком алхимиков, посредством *cerebrum*,²⁰ каковой не идентифицируется с мозгом в повседневном понимании, но в определённом смысле предвосхищает «мокрый ум»²¹ современной науки.

Мозг, как обычно принято считать, в подобной перспективе является подлинным оплотом эффективности или же носителем, рупором и главным процессором силы (способности к действию) и знания (обладания информацией), берущих начало в Едином Поле.

¹⁸ Неделимая вещь (лат.).

¹⁹ Единственное (лат.).

²⁰ Мозг (лат.).

²¹ Эквивалент английского термина *wet brain*, возникшего относительно недавно (в середине 1990-х) и ознаменовавшего новый подход в науке о мозге. Этимологически он представляет собой метаморфозу компьютерных терминов *hardware* («железо») и *software* (программное обеспечение, «компьютерный газ»), между которыми был проложен «третий путь», названный *wetware*. Под «мокрым умом» понимается мозг не как анатомический орган и не как сознание, но как когнитивная функция.

Это Единое Поле, если продолжить дальше пользоваться данной фигурой речи, фактически диффундирует во все структуры, как Первопринцип обеспечивая их субстанциональность в точном смысле сего слова (от *sub* = под и *stare* = оставаться неизменным), каковая субстанциональность определяет возможность осуществления функций.

Указанное осуществление имеет место не только в порядке взаимодействий, но также ещё и в порядке сообщений, передаваемых этими взаимодействиями, так что порядок всеобщей манифестации оказывается связан со специфическими сообщениями, которые несут информацию о составляющих всякой вещи, почему она такова, какова она есть, и почему она не другая. В конечном итоге это Сила, пронизывающая Природу, единый диффузный Интеллект, называемый в Алхимии *Lumen Naturae*,²² высшей точкой какового в человеческом существе является *Lumen de Lumine*,²³ или сознание, – завершение Единого Поля, также понимаемого как Единый Ум.

Исходя из этого, можно уяснить, почему Единый Ум не является вещью и не может служить объектом перцепции; его природа – познавать, а не быть познанным. Однако человек лишь в минимальной степени осознаёт возможности *cerebrum*, который в большей своей части остаётся пассивным и незадействованным (хотя по присущим ему природным потенциям выражает – в рамках Природы – Пустоту, чреватую любой полнотой), и, если его нельзя буквально назвать безголосым глашатаем и сломанным компьютером, то он, всё же, представляет собой весьма убогую версию их полноценного воплощения.

Итак, человек знания и человек силы, посредством соответственно различных оперативных приёмов, добиваются реализации определённой возможности, ясно осознавая, что люди субстанциально сделаны из той же глины, из той же *Materia Prima*,²⁴ из которой создана Вселенная, то есть из той Единой Вещи, коя снабжает субстанцией и ин-формирует человеческое существо и его мысли, каковые сами являются частью природного творения, повседневной реальности; они сами суть Природа. Иными словами, человек как субъект познания и субъект силы не находится за пределами *Una Res*,²⁵ напротив, он – дверь, посредством которой «волновые функции» приходят к коллапсу, или – в позитивном смысле, – посредством которой осуществляется возможность Единого Поля.

Учитывая вышесказанное, становится понятно, что говорить «Единое Поле» – то же, что говорить «Бог», или «Единый Ум», или «Великий Дух», или «Абстрактное».

Точно так же, как глаза не находятся за пределами мира, который видят, так и человек, то есть человеческий ум, не выходит за рамки реальности, каковую он воспринимает, притом я говорю «человеческий ум», поскольку Единый Ум – употребляя этот термин в наиболее типичном значении, как «первичная реальность», – выступает по отношению к феномену творения в такой же роли, что и сновидец по отношению к сновидению и населяющим его образам.

Проблематика оперативной деятельности в области алхимического Герметизма и магического Герметизма как инициатических путей состоит в использовании *non plus ultra*²⁶ природной манифестации, кое есть знание себя (или сознание), понимаемое как напряжённость Первопринципа в порядке той же манифестации, с целью придти к осознанию себя в микрокосме ® осознанию себя как посредника, взаимодействующего с макрокосмом ® осознанию себя как мира (читай Универсума).

По этой причине Алхимия (как путь познания) и Магия (как путь силы) являются техниками жизни, превращающими её в Путь Единения, согласно канону, который известен как

²² Свет Природы (лат.).

²³ Свет Света (лат.).

²⁴ Первоматерия (лат.).

²⁵ Единая вещь (лат.).

²⁶ Крайняя степень чего-либо (лат.).

Герметизм и который, исторически, отсылает к категории текстов II и III вв., восходящей к греко-римскому Египту не позднее II в. до н. э., если не к ещё более древней египетской мысли.

Прежде, чем закончить этот дискурс, необходимо отметить следующее:

а) в Герметике Принцип в момент акта вселенской манифестации называется Телесма и понимается как «мысль», однако не как мысль мыслимая, но, если так можно сказать, мысль мыслящая, то есть как таковая она неопределима, неопишима, непознаваема, поскольку выступает в качестве принципа всякого определения, описания и познания. В целом, она обладает характеристиками Единого Поля, а точнее, их отсутствием в силу природы «физического вакуума»; она такова, что позволяет некоторым учёным прийти в результате философских рассуждений к выводу, что «всё есть мысль». Следовательно, субстанция каждой вещи заключается в бытии мыслимой, в то время как первая и последняя среди мыслимых вещей есть Мир (включая Человека), что в конечном счёте представляет собой феномен проявления себя как иного... в Мысли.

Телесма в процессе действия называется Великим Магическим Агентом.

б) в Алхимии Принцип называется «Первоматерией Делания» (не путать с *Materia Prima*),²⁷ что есть в самом прямом и точном смысле «Хаос» (как его часто и нарекают), каковой находится также в глубинах человека, почему ещё зовётся *Mysterium Magnum*.²⁸ По-другому его именуют Меркурием, поскольку это энергия в действии (сила), из которой и посредством которой осуществляется материальная манифестация, когда материи присущ – под именем Гермеса – Интеллект и, таким образом, осознанность (то есть способность принимать информацию).

В Меркурии как принципе то, что есть в потенции, имеет продолжение в действии; иными словами, Меркурий как «Может» продолжается как «Есть». Вот почему в герметическом, алхимическом или магическом *Weltanschauung* точка назначения манифестации Принципа, итог Принципа в его проявлении, есть обретение сознания «Единого во Всём и Всего в Едином», что в ряду герметических образов представлено Уроборосом или змеей, пожирающей собственный хвост. Этот символ имеет своего предшественника в египетской иконографии (см. сходное изображение змеи во втором сундуке гробницы Тутанхамона); такой же смысл заключается в символе змеи Мехен со многими кольцами (см. *Книга Ам-Дуат, О Запредельном*, или *Книга Преисподней*).

Существует также вариант данной фигуры из двух змей, которые соединяются ртами и хвостами в виде окружности, что является символом ссылки на самое себя.

²⁷ Согласно некоторым авторам (например, А. Пернети), в этих терминах алхимической Первоматерии Делания соответствует *Materia Secunda* герметической философии.

²⁸ Великая Тайна (лат.).

II. Алхимия

*Множественность «бессмертных» невозможна, поскольку
Совершенное Единство состоит в осознании своего бытия как Единого.*

Термин «Алхимия» пришёл к нам из арабского языка; в нём *al* служит префиксом, в то время как слово *kimiya* может быть связано с древнегреческим корнем *cheein*²⁹ в значении «лить», от которого происходит *skytia*;³⁰ однако в Греции существовала также форма *chemia* или *chemeia*,³¹ поэтому остаётся всё же неясным, каким именно было исходное выражение – *skytia* или *chemeia*.

С другой стороны, можно также установить связь слова *kimiya* с египетским *km* – глаголом, означающим «приводить к завершению», – или с древней (2000 лет до н. э.) версией *kmjit*, или, что вероятнее, с контаминацией *chem* (от *kmt* – «чёрный»). Действительно, египтяне называли долину Нила Кеми («чёрная») из-за тёмного цвета речного ила, который контрастировал с красным цветом пустыни (*kashet*); по этой причине они именовали себя Ремту Кеми, то есть «люди чёрной (земли)», чтобы отличаться от Хазетиу, кочевников пустыни.

Таким образом, слово «Алхимия» (где *al* является определённым артиклем) может означать «(доктрина и практика), что выводит из чёрной (земли)», то есть из Египта.

Хорошо известно, что в арабском языке вокабула *kimiya* первоначально использовалась недифференцированно для именования как субстанции, так и искусства, и лишь позднее его стали употреблять преимущественно во втором упомянутом смысле, предоставив синониму *iksir* обозначать субстанцию (откуда происходит «эликсир» – *el iksir*).

Тема алхимического эликсира отсылает к Роджеру Бэкону (XIII в.), францисканскому монаху, заключённому в тюрьму за свои занятия алхимией в Оксфорде. Ему мы обязаны идеей «продления жизни» – в рамках учения весьма эксцентричной, следует отметить, – в свою очередь, породившей понятие «эликсира долголетия», характерное для Алхимии XIV–XV вв.

Очень возможно, если и не вполне достоверно, что Бэкон (каковому приписывают авторство *Speculum Alchimiae*)³² перенял эту идею у миссионеров, вернувшихся из стран Дальнего Востока. Те же столкнулись с ней в китайской *спагирии*, для последователей которой поиск «напитка бессмертия» (см. *ней-дань*)³³ был центральным мотивом учения; с другой стороны, в даосской доктрине упоминается «пилюля бессмертия», представляющая собой аналогичное «лекарство» в уплотнённом виде.

Говоря откровенно, столь многочисленные и разнородные упоминания оставляют открытым вопрос об этимологии и семантике слова «Алхимия», произношение которого, всё же, сомнений не вызывает: ударение должно падать на второй слог,³⁴ что подтверждают также Данте (см. «Ад», XXIX, 1191-120), д'Аннунцио, Панцини и др. Грубой ошибкой, однако, является использование прилагательного с корнем *alchem-*³⁵ вместо *alchim-*, то есть той формы, что происходит от слова «Алхимия». Это последнее, кстати, впервые было эксплицитно употреб-

²⁹ Имеется в виду *чэиц* как форма *чЭц*.

³⁰ Литьё, расплавленный металл (*чэмб*).

³¹ От *чзмеЯб* (наука химия).

³² *Зеркало Алхимии* (Лондон, 1541).

³³ Очевидно, автор всё же имеет в виду традицию *вай-дань*, спагирию в собственном смысле слова, для которой были характерны поиски *бу-сы-чжи-яо*, «эликсира бессмертия». *Ней-дань* является китайской школой духовной алхимии, завоевавшей признание лишь к XII веку (см. также гл. XVI).

³⁴ Т. е. не на предпоследний слог, что звучало бы более естественно для итальянского уха (как в слове *tagna*, например).

³⁵ Что относится к романо-германским языкам, разумеется (ит. *alchemico*, англ. *alchemical* и др.); в русском единственная употребляемая форма – «алхимический» – соответствует требованиям автора.

лено в тексте астролога IV в. Фирмика Матерна по отношению к «дому Сатурна», который благоприятен для занятий «наукой Алхимией». Однако, насколько мы можем судить, пионером в области Алхимии являлся грек Болос Мендесский (III–II вв. до н. э.), хотя к тому времени уже созрела соответствующая культурная почва и выкристаллизовались оперативные приёмы, что имело место в ходе протоистории, каковую можно рассматривать как процесс слияния следующих элементов:

а) постархаической греческой мысли (VII в. до н. э.), из которой берёт начало философия Гераклита, в определённом смысле и в определённых аспектах являющаяся предшественницей алхимической доктрины, сосредоточенной на источнике «единой субстанции». Кроме того, «лучшее», если так можно выразиться, в философии Гераклита несёт печать египетского влияния, и прежде всего это относится к философии возвращения;

б) религиозного восприятия (характерного для египетских жреческих школ, в особенности школ Гелиополя) божественного единства во множестве форм Творения, каковое, таким образом, как в человеке, так и в «материи» вообще, виделось живым и способным к трансформации, поскольку божество трансформировалось в материю и человека;

в) техник владения огнём и работы с металлами, которые, вне чисто практических приложений, были известны египетским жрецам, хранились и практиковались ими в сакральном контексте.

Эти техники в своих общих фундаментальных чертах получили распространение уже в Древней Греции (куда попали – как считается – от пеласгов), а также за пределами средиземноморского бассейна; кроме того, их черты, связанные с работой над металлами при помощи огня, обнаруживаются в Мистериях (от Крита до Самофракии, к примеру).

В указанный период Алхимия предпринимает первые шаги по отделению метафизического устремления, который выражается в ней посредством символизма (в Египте основные алхимические символы были известны с древнейших времён), от утилитарных целей и физико-химических феноменов (в Египте поиски техники изготовления обычного золота велись в течение не менее чем 12 веков!). Подтверждением этому служит тот факт, что алхимические тексты индифферентны по отношению к конкретным феноменам и природным материалам, что исключает возможность развития Алхимии на основе некоей древней оперативной практики, представляющей собой в большей степени жест, чем ритуал, и направленной на специфические операции и/или работу с субстанциями, которая бы опиралась на магический принцип *ex opera operato*³⁶ (каковой можно интерпретировать как «что я осуществляю снаружи, то обретаю внутри себя»).

В алхимических процедурах нет ничего «научного», у них нет ничего общего даже с трудом ремесленника; они не имеют отношения ни к каким экспериментам прикладного характера. Алхимические «химия» и «металлургия» являются таковыми лишь в качестве жаргона, который, однако, требует соответствующего подхода и небуквального понимания, и, если обратиться к истокам, можно ясно увидеть, как изложенное на нём неправильно толковалось. В IV в. философ Христианос предупреждал, что эта практика является не чем иным, как полем для упражнений духа, а в VII в. Стефанос настойчиво разделял «материальную теорию» «легендарной химии» и «тайное умное делание» как две совершенно различные вещи и призывал «...не тратить время на материальные печи, стеклянные трубки, алембики, колбы и сублимации».

Таким образом, изначально лабораторная практика Алхимии, – если не считать различных искажений доктрины, – представляет собой надстройку (также и в материальном смысле),

³⁶ Работа преобразует (лат.).

скрывающую под собой духовную инфраструктуру; в русле этой логики следует считать алхимической лабораторией самого оператора.

«Остерегайся физического в материальном», – постоянный рефрен Алхимического Делания, напоминающий, что не следует ничего в данном учении понимать буквально...

Проводить различие между Алхимией духовной, или внутренней, и материальной, или внешней, нет ни малейших оснований, поскольку исторически этих двух разновидностей никогда не существовало. В аутентичной практике, соответствующей египетской школе, можно от силы провести различие между двумя стилями подхода и проведения операций. Один может быть назван пуристическим – он заключается в чистом созерцании: в соответствии с ним Великое Делание, или трансмутация «свинца в золото», во всех своих составляющих и в ходе всего процесса осуществляется как символический путь; другой может быть назван смешанным, если выбрать нейтральный термин, так как он опирается *ad actum* или *ad acta*³⁷ на определённые жесты.

В наше время речь идёт в большей степени об алхимическом Герметизме, нежели об Алхимии, поскольку характерный для этой науки конкретный строго химический символизм, ставший невразумительным, как невразумительными стали некоторые обороты речи (то есть, по сути, обороты мысли), постепенно замещается символизмом, соответствующим времени, – что наблюдается, впрочем, на протяжении всей истории Алхимии; однако тематика её остаётся неизменной, равно как и проблематика, каковая состоит, говоря кратко, в продолжении индивидуального существования, или исторического «я», после смерти, путём обретения сознания, соответствующего глубинной трансперсональной идентификации оператора (как сегодня называют *artifex*

³⁷ Т. е. согласно сложившемуся канону (лат.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.